

«ИГРАЮЩИЙ ТРЕНЕР» В БЕЛОМ КОМБИНЕЗОНЕ

«Ребят, у вас есть кадры из "красной зоны"? Выручайте, нам срочно нужен материал на завтра!» Это был звонок из Москвы. В мае 2021 года Республика Северная Осетия-Алания наравне с Приморским краем, Адыгеей, Кабардино-Балкарской Республикой и Дагестаном попала в федеральную новостную повестку с самыми низкими темпами вакцинации населения в стране. Коллеги из «Вестей» просили наших продюсеров помочь в подготовке сборного сюжета из российских регионов для праймового выпуска. Заявки на перегон — для филиала ВГТРК дело привычное, а с началом «новой коронавирусной эпохи» регулярное взаимодействие стало ещё более плотным.

Собкоры из центра уже реже появлялись на периферии — режим повышенной готовности и связанные с ним ограничения скорректировали распределение нагрузок и формат сотрудничества.

ГТРК «Алания» имеет солидный опыт работы с каналами ВГТРК: журналистская судьба часто забрасывала нас на передовую чрезвычайных ситуаций и военных действий. Но в этот раз она застала врасплох.

Когда грянула эпидемия, все мы поначалу растерялись. К такой «войне» оказались не готовы...



ЭХО «АНТИКОВИДНОГО БУНТА»

Ещё в самом начале противостояния, в апреле 2020 года, по Владикавказу прокатилась волна ковид-диссидентских настроений, вылившаяся в несанкционированный митинг в самом центре столицы Северной Осетии перед Домом правительства. Это был первый в России, как напишут потом газеты, «антиковидный бунт» против режима самоизоляции.

Тимур Кусов — журналист, директор филиала ВГТРК ГТРК «Алания», председатель Союза журналистов Республики Северная Осетия-Алания — регионального отделения СЖР, заведующий кафедрой современных технологий СМИ (базовой кафедры факультета журналистики) Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, город Владикавказ

Официальные власти сообщили о 200 участниках — СМИ же утверждали, что их было более двух тысяч. Глава республики (с 2016 по 2021-й) Вячеслав Би-

таров под выкрики «в отставку» вышел к собравшимся, потом встретился с инициативной группой и пообещал помочь людям, лишившимся заработка в связи с локдауном. Полиция и Росгвардия долго уговаривали митингующих разойтись, но в ответ получили сопротивление — в силовиков полетели камни.

Главный врач Республиканской клинической больницы, где уже вовсю шла борьба за жизнь первых заражённых, **Астан Митциев** тогда заявил, что организаторы акции устроили «мощный очаг разноса коронавирусной инфекции». Резкий рост заболеваемости спрогнозировал местный Роспотребнадзор. Так и случилось — через несколько дней кривая заражений взметнулась вверх. Для республики с населением в 700 тысяч человек это была действительно катастрофа.

После митинга, по данным агентства «Интерфакс», задержали более 100 человек, порядка 40 из которых ранее привлекались к уголовной ответственности. Составлено 170 протоколов, 65 жителей республики отправлены судом под административный арест сроком до 15 суток. В июле этого года 10 человек получили реальные сроки заключения от 4 до 6 лет за участие в массовых беспорядках. Эхо «бунта» оказалось долгим. Набиравшая обороты статистика смертей убеждала не всех. Поэтому вполне закономерным стало то, что Северная Осетия сгенерировала для общероссийских СМИ ещё один не самый позитивный инфоповод. Это было на спаде второй волны. Жители республики, в том числе и мы в ГТРК «Алания», немного выдохнули, расслабились. Впрочем, если говорить точнее, сказывалась усталость —

основной костяк команды, те, кто постоянно оставался в строю (на дистанционный режим мы перевели не более 30% персонала), впахивали весь ковидный 2020-й на износ.

Затишье оказалось обманчивым. Ленты новостей продолжали пестреть красными заголовками и «молниями»: «В Северной Осетии жертвами новой коронавирусной инфекции стали ещё три человека...», «...ещё двое...», «...пятеро...».

Смертность продолжала неумолимо расти, в отдельные дни достигая пиковых показателей первой волны. Информация об этом телевизионщиками озвучивалась главным образом в устной форме или в виде «синхроннов» с пресс-подходов и брифингов.

До этого момента наша телерадиокомпания ещё не делала полноценных репортажей из «красной зоны». В основном пользовались кадрами, снятыми самими врачами на камеру смартфона, или «подглядывали» через стеклянные двери, оставаясь на более-менее безопасной дистанции. Не буду скрывать: опасался за жизнь и здоровье коллег, и без того подвергавшихся риску и работавших в особо напряжённом ритме. Но все мы понимали — без репортажа из самого эпицентра борьбы с COVID-19 не убедить людей в опасности болезни и необходимости защиты себя, а значит, и родных, коллег, всех вокруг. Нужно было видео с переднего края противоковидной обороны, причём в формате не просто «картинки» для федерального



СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ ЗАНИМАЕТ 74-Е МЕСТО СРЕДИ СУБЪЕКТОВ РФ ПО ТЕМПАМ ВАКЦИНАЦИИ ОТ КОРОНАВИРУСА

эфира, а полноценного, большого репортажа для региональных «Вестей». И я решил...

«ВСПОМНИТЬ ВСЁ»

Работать одновременно и с камерой, и на монтаже, и с текстами нас учили ещё в середине 90-х, когда мы были шестнадцатилетними студентами журфака Северо-Осетинского госуниверситета, в творческой мастерской маститого журналиста **Ирины Алексеевны Таболовой** (кстати, она первой была удостоена звания «Заслуженный журналист Республики Северная Осетия-Алания», учреждённого указом главы республики по инициативе реготделения СЖР), основавшей и многие годы руководившей государственным информационным агентством «Иринформ», где и завязалось наше сотрудничество с главными телеканалами страны. Приняв решение уйти из эфира на самом пике карьеры, Ирина Алексеевна первой в Осетии взялась за подготовку тележурналистов-универсалов. «Стремительное развитие технологий требует новых форм обучения студентов. Умение обращаться с видеокамерой и монтировать необходимо профессиональному телерепортёру, особенно когда ему приходится работать в чрезвычайных ситуациях», — бывший военкор Таболова, прошедшая огненными дорогами вооружённых конфликтов на Севере и Юге Осетии, а теперь возглавлявшая кафедру радио и телевидения СОГУ, убеждала руководство факультета



Вместо стендапа — спасибо врачам

журналистики погружать студентов в интенсивную практическую работу с первых дней обучения. Со временем в профессиональном сообществе и в научных кругах заговорили о «школе универсальной журналистики Таболовой», пройти которую выпало счастье и мне. «Любите профессию в себе, а не себя в профессии!...» «Думайте о народе, работайте для простых людей!...» «Никогда не оставайтесь равнодушными!...» Наставления Ирины Алексеевны — на всю жизнь... «Таболовская школа» помогала оставаться полезным не только в региональном, но и в федеральном информационном поле — и когда возглавлял информационную службу ГТРК «Алания», параллельно освещая события в Южной и Северной Осетии (наш с **Тамерланом Бутаевым** репортаж «Южная Осетия. На страже мира» получил специальный приз «ТЭФИ Регион-2009»), и потом, когда мне

доверили руководство филиалом, но по старой дружбе «рики» (так мы, телевизионщики, называем коллег с РИК — Российского информационного канала «Россия-24») обращались по просьбам поработать в качестве собкора. Чаще всего это была «чрезвычайка»: убийства чиновников, теракты, лавины на Транскаме и т.д. Приобретённые за все эти годы навыки позволили решиться на репортаж из «красной зоны» в одиночку, без телеоператоров и ассистентов. Рисковать ими не хотел, да и, по правде говоря, люблю я это дело — выходы на поле. «Почему бы и нет? Будешь "играющим тренером", — сразу вспомнились слова заместителя генерального директора — руководителя Регионального департамента ВГТРК Рифата Абдулвагаповича Сабитова, сказанные им ещё в 2010 году в знак одоб-

рения моего очередного выхода в федеральный эфир «России-24» в качестве корреспондента, хотя тогда я уже два месяца как был директором филиала.

В этот раз я впервые не посоветовался с шефом (читая этот материал, он, возможно, впервые узнает о моём «проступке», за который я непременно попрошу прощение) и ничего не сказал домашним.

Перенесённый мною и несколькими членами семьи четырьмя месяцами ранее COVID-19 (мы заразились прямо в новогоднюю ночь, и все каникулы, а потом ещё пара недель ушли на лечение) прибавлял решительности. Работников администрации компании со всего третьего этажа нашего здания, где находится мой кабинет, отправил на дистанционку — у каждого из них уже имелся удалённый доступ к рабочим местам, и процесс управления компанией от этого никак не пострадал. Запланировал после съёмки вернуться в кабинет и провести три дня на карантине, контактируя с миром только в онлайн, пока не буду уверен в том, что никакую заразу с собой не принёс. Ведь и у переболевших, по мнению эпидемиологов, сохраняется риск стать повторными переносчиками инфекции.

Наш исполнительный продюсер **Анатолий Гадиев** договорился с минздравом о съёмках в главном ковид-госпитале Северной Осетии — Республиканской клинической больнице скорой медицинской помощи (РКБСМП), где ещё в апреле 20-го были развёрнуты койки

для заражённых, и с тех пор учреждение не возвращалось в обычный режим.

Руководителя группы телеоператоров ГТРК «Алания» **Юрия Жирняка** попросил подготовить к утру ТЖК (телевизионный журналистский комплект) — камеру, накамерный свет, аккумуляторы, петличный радиомикрофон. От штатива сразу отказался, поскольку возиться с ним в одиночку было бы крайне сложно. А вот одной камеры мне показалось мало. Хотелось снять репортаж максимально подробно, в режиме нон-стоп, от первого лица, глазами оператора-репортёра. И этими «глазами» могла стать камера «GoPro». Наша компания ею не располагала, но руководитель группы компьютерной графики и интернет-вещания **Владислав Туаев** тут же смекнул — позвонил в футбольный клуб «Алания Владикавказ» (Влад ранее работал там оператором). Наши коллеги из пресс-службы **ФК Константин Дзиваев и Мурат Гадиев** (кстати, первый — мой студент, а второй — бывший работник ГТРК) нам её предоставили безвозмездно. Работать с «гоупро» ранее мне не доводилось. Влад провёл мастер-класс экспресс-методом перед самым выездом на съёмки и отрегулировал все настройки: поставил соответствующее разрешение, проверил аккумуляторы, приспособил крепление, чтобы я мог надеть его на голову с помощью специального ремня. Мы сделали пробную запись, и задача была решена — начну снимать прямо в машине перед за-

ездом на территорию больницы, а дальше...

НОН-СТОП

Водителя и служебную машину в целях безопасности тоже решил не задействовать. Руководитель эксплуатационно-хозяйственного подразделения ГТРК **Адлан Кочиев** отвёз нас на личном авто, с нами поехал и Анатолий, за ним была связь со всеми ньюсмейкерами. Коллеги ещё не переболели, и мы договорились, что обратно я доберусь сам. В дороге включили радио — «FM Алания» (это ещё один канал ВГТРК, региональный, единственное в Осетии круглосуточное национальное радио) в очередной раз заговорило страшными шаблонами информационных текстов нового времени: «Число инфицированных новой коронавирусной инфекцией увеличилось на... За сутки скончались... Были госпитализированы... На амбулаторном лечении находятся...». С этих сообщений и начнётся мой репортаж — дам их чистым звуком на «картинку» мелькающих за окном автомобиля больничных корпусов. Задумался...

Неужели мы привыкли к этим новостям? А может, и вовсе пропускаем их мимо ушей? Постоянный поток негатива, по мнению психологов, притупляет чувство сострадания, порождает «эмоциональную отстранённость», которая служит своеобразной защитой от переживаний. Да и мы, журналисты, быть может, иногда слишком навязчивы, назойливы, категоричны?

Вот и опять тот самый главный вопрос, о котором нам, коллеги, не стоит забывать никогда: как воспримут мой материал зрители? Переключат канал? Перемотают потом запись в интернете? А вдруг всё-таки задумаются... Очень хочется, чтобы всё не зря... Ведь всё, что мы делаем, должно быть ради какой-то благородной цели.

Уж простите, но дополню словами А.Т. Твардовского: «Не ради славы, ради жизни на земле». Журналистика же часто, а уж в наши дни тем более, тоже война, где «пушки бьют в крошечной тьме». Если она конвейер, если живёт лишь в ту секунду, когда звучит в эфире, она обречена... Конечно, без ежедневных сводок никуда. Конечно, всё начинается с информации. Но какие цели мы ставим перед собой дальше? Сколько души, сил, личного участия, заинтересованности вкладываем в исполнение редакционного задания? Помочь людям, исправить, выпрямить, повлиять, дать надежду, вдохновить... Но прав бессмертный Ф.И. Тютчев: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

— Тяжелобольных много... — заместитель главного врача РКБСМП Алла Цкаева встречает нас в своём кабинете. — А вы сами переболели?

— Да, четыре месяца назад...

— Очень хорошо... Вернее, хорошего мало, но можете заходить... Направляемся к соседнему корпусу. На дверях приклеенная скотчем табличка: «Шлюз на вход».

— Девочки-и-и! Помощники



Камера иногда снимала меня с подоконника



эпидемиолога, можно вас?

К вам телевидение!

— Здравствуйте! — Помощник эпидемиолога широко распахивает дверь шлюза.

— Здравствуйте!

— Давайте проходите, мы вас оденем!

— А большой размер есть у вас? — вырывается у меня нервный смехок.

— Мы втянем... — улыбается медсестра, показывая ладонью жест втягивания живота.

У Адлана и Толика забираю вторую камеру («гоупро» уже у меня в руках во включённом состоянии).

— А сколько вас будет?.. Один?.. Препроводите, пожалуйста, Тимура в реанимацию, всё по алгоритму! — даёт наставления Алла Юрьевна медперсоналу ковид-госпиталя.

Главная задача для доступа в «красную зону» была решена — самый большой размер защитного комбинезона всё-таки на-

лез на меня... впритык. Надо снова худеть, подумал я, ибо у «играющего тренера» могут начаться проблемы с экипировкой, и не только...

Конечно, штатива не хватало. В некоторых моментах, как, например, в раздевалке, приходилось ставить камеру на подоконник или другие ровные поверхности.

На помощь пришла приветливая и всегда отзывчивая пресс-секретарь республиканского Минздрава **Стелла Джихаева** — она тоже впервые пошла в «красную зону» вместе со мной вопреки моим уговорам не делать этого и даже дебютировала с парой снятых ею кадров.

Кто из коллег был «внутри», тот знает — какво это, работать в замотанных скотчем перчатках и бахилах, запотевших очках, а тут ещё и две камеры: одна на голове, вторая в руках. Признаюсь, с трудом выдержал эти два часа. Ощущения — как будто ты в коконе с подогревом. Потом уже, когда снял с себя комбинезон, и он, и я были насквозь мокрыми. Однако героизировать свою миссию нам не стоит, дорогие коллеги: настоящие герои — врачи! «Врачи — герои!» — эта фраза вырвалась у меня, когда уже в «шлюзе на выход» Стелла впервые в жизни взяла в руки камеру и попробовала проиллюстрировать наше «испытано на себе», и этот «лайф» я приберёг для финального аккорда репортажа.

Классической работы в кадре со стендапами-стойками и проходками у меня, конечно, без оператора не получилось. Но получи-

лось вспомнить, какво это, когда ты...

ОПЕРАТОР-РЕПОРТЁР-МОНТАЖЁР

Текста написал мало, сухо, по факту. Эмоции ведь передала, а скорее прокричала сама «картинка». И звуки... Страшные звуки ковидной реанимации... Короткие сигналы поддерживающей жизни аппаратуры вперемишку с тяжёлым, хриплым дыханием пациентов... Конечно, лица тех, кто был без сознания, при монтаже я заретушировал. К нашему удивлению, от интервью не отказался ни один из тех, кто был в состоянии говорить. У каждого Стелла попросила письменное согласие на фото- и видеосъёмку с последующей публикацией. По её словам, в самом начале пандемии говорить на камеру не хотел никто. Многие не верили в существование коварного вируса. Сейчас пришло понимание. Один из отрицавших ковид, попав сюда второй раз, уверовал только после того, как его вытащили с того света и на несколько дней подключили к аппарату ИВЛ. Очень больно было видеть на койках с проводами и трубками всех этих людей. Возраст пациентов — от 32 до 94 лет. Молодых много, да ещё и с такими сопутствующими — онкология, диабет, сердце... Все ли они выжили?.. Все ли выкарабкались?.. Возвращаться Стелла предложила на машине Минздрава. Меня добросили до ГТРК, и через аварийный выход я вернулся в свой кабинет и сразу включил компьютер, подключил

кард-ридер, залил «исходник». Мой компьютер оснащён всем необходимым ПО для видеомонтажа, есть и микрофон, и маленький звуковой пульт... Очень редко, но всё же удаётся возвращаться в практическую журналистику, и это здорово стимулирует.

Первым делом передал картинку «Вестям», тем же вечером она вышла в эфир 20-часового выпуска. Для нашего же регионального блока (он следует за федеральным на канале «Россия-1») подготовил трёхминутный репортаж, после чего сел уже за более основательную работу над спецрепом, который мы запланировали выдать в эфир ГТРК на канале «Россия-24» через два дня.

За это время удалось собрать дополнительную информацию, более тщательно поработать с «синхронами», «лайфами» и «картинкой». С подсъёмками адресных планов выручили наш телеоператор **Александр Галкин** и водитель **Есен Хамицаев**.

Совсем немного добавил спецэффектов — это были своеобразные перебивки для сохранения динамики репортажа. Возможно, мы «переусердствовали» с драматизмом музыкального сопровождения, но наш звукорежиссёр **Альберт Абисалов** не стал возражать, а я ему верю... Последний штрих — графическое оформление (с ним, как всегда, помог Влад) и заголовок: «Ковид-госпиталь. Между жизнью...» Дописывать «...и смертью» не хотелось, потому что верю — жизнь сильнее...

